

TRIBUTE

8 декабря - 10 лет со дня смерти Джона Леннона

Я не помню в точности своих ощущений 8 декабря 80-го. Первому сообщению по "Маяку" я не поверил. Позже, когда появились газетные комментарии с намеками на "руку ЦРУ" и пролезающими то здесь, то там потками злорадства, и то же самое сказали "голоса", сомнений уже не осталось.

Я не помню в точности своих ощущений. Это не были ни ступор, ни отчаяние. В тринадцать лет тяжелые известия иногда переносятся удивительно легко. Дикая обида, боль, страх, но все-таки больше - обида.

Леннона считали символом поколения. Значит, все первое поколение советских и не-советских волосатиков агонизировало на нью-йоркской мостовой. Это не в меня, не в мое поколение стрелял Майк Чэпмен, но пуля рикошетом ударила и в нас.

Газеты писали о дне гибели Леннона - "день, когда умерла музыка". К счастью, музыка выжила. Газеты опасались массовых суицидов. Напрасно. Мы выжили, и все, более или менее, устроились в жизни.

В последней странице летописи хиппистской романтики была поставлена кощунственно эффектная точка. Мир наконец-то стал в меру рационалистичным, равновесие было восстановлено. Но избавившись от Леннона, мир потерял что-то неизмеримо более важное, чем музыканта, поэта, художника. Был убит некий бродильный микроб, заставлявший хороших девочек делать глупости, а политиков - опасаться собственных слов.

Для многих из нас день 8 декабря 80-го прошел незамеченным вовсе, но многие тогда впервые почувствовали на лицах стылый ветер, которым тянет от английского слова *nevermore* - "никогда больше". С каждым годом все сильнее и сильнее.

Ал. ТАРХ.

Я всегда воображал себе женщину, которая была бы красивой, умной темноволосой, широкоскулой раскрепощенной художницей (а-ля Жюльет Греко).

Товарища по духу. Кого-то, кого я уже знал, но почему-то потерял.

После короткого посещения Индии, по пути из Австралии домой, этот образ слегка изменился - она должна была быть темноглазой ЖИТЕЛЬНИЦЕЙ ВОСТОКА. Естественно, мечта не могла сбываться до тех пор, пока я не закончу картину.

Теперь эта картина стала полной.

Когда я был тинейджером, мои сексуальные мечты естественно были полны Анитой Экберг и другими скандинавскими богинями такого же типа. Так было до тех пор, пока в конце пятидесятых "любовью моей жизни" не стала Брижит Бардо. Все мои приятельницы, которые были не темноволосы, страдали из-за того, что я постоянно пытался заставить их стать Брижит. К тому времени, когда я связал свою жизнь с первой женой (которая, я думаю, от природы была темно-рыжей), она тоже стала длинноволосой блондинкой с обязательной челкой.

Несколько лет спустя я встретил настоящую Брижит. Я был под наркотиком, а она ухаживала...

В конце концов я встретил Йоко, и моя мечта стала реальностью.

Единственная из всех когда-либо встречавшихся мне женщин, она была мне ровней во всем, что только можно вообразить. Впрочем, она была лучше меня. Хотя у меня были многочисленные интересные "истории" в моем предыдущем воплощении, я никогда не встречал никого, из-за кого стоило бы рушить состояние скуки счастливого брака.

Наконец избавление! Есть кто-то, из-за кого стоит покинуть дом! ЕСТЬ КУДА УЙТИ. Я ждал этого вечно.

Поскольку я был необычайно стеснителен (особенно рядом с красивыми женщинами), в моих мечтах она неизменно была достаточно агрессивна для того, чтобы "спасти меня", то есть "забрать меня от всего этого". Йоко, хотя и сама была стеснительной, настолько подняла мой дух, что у меня хватило смелости изгнать дьявола как раз вовремя, чтобы избежать совместной жизни с новым носом моей бывшей жены. У нее тоже были свои интересы на стороне - к великому изумлению моего ждущего своего освобождения мужского эго.

Они получили новый нос. А я - женщину моей мечты. Йоко.

Так как я воспитывался в окружении благородной бедности нижней прослойки среднего класса, я не был удивлен потоком расистской и антиженской злобы, которой мы подвергались в этом бастионе демокра-

Сов. молодежь - Рига - 1990. - 8 дек - 86

Джон ЛЕННОН

Баллада

о Джоне и Йоко

тии - Великобритании (включая и теперь переделавшегося Майкла Кейна, который на своем очаровательно шепелявом кокни сказал примерно следующее: "Не понимаю, почему он не нашел хорошую английскую девушку"). Какой скандал! Один из "наших парней" бросает свой англо-саксонский (что бы это ни значило) очаг и дом и в придачу сходит с чертовой япшкой! Разве он не знает про "Мост через реку Квай"? Разве он не помнит Гирл-Харбор?

Английские газеты и журналы провели смотр своих сил, выплеснув всю свою копившуюся ненависть к иностранцам на Йоко. Им, должно быть, было тяжело: из-за Общего рынка и прочего им пришлось перестать ненавидеть лягушатников, восточников, немчуру, косоглазых, не говоря уж о всяких там черномазых. Было униженительно и мучительно больно для нас обоих, когда ее описывали как безобразную желтую и говорили про чую униженительную гадость, особенно, если это делала компания накачанного пивом, краснощеких, перезревших поденщиков от литературы. Человек - это то, что он ест, и то, о чем думает. Мы знаем, чем они набивают себе животы и чем им приказано набивать себе головы: объедками с хозяйского стола.

Йоко, которая всю свою жизнь считалась одной из самых красивых и умных женщин в Японии, все это было трудно понять. Расизм и сексизм были налицо. Мне было стыдно за Британию. Хотя я и сам был полон расовых и антиженских предрассудков (глубоко запрятанных там, где их посадили), я тем не менее купился на английскую сказку о том, что расисты - это янки: "Не мы, старина, это было бы низко". "Джентльменское соглашение" пронизывает все сверху донизу. Но должен сказать, во время своих путешествий я обнаружил, что каждый народ считает себя выше всех других; то же самое относится и к классам (это американский миф, что у них нет классовой системы).

В общем, это было ужасным испытанием. Я думал обратиться за советом к Джонни Дэнкору и Клио Лейн, но так и не сделал этого (они были единственной принадлежащей к разным расам парой, о которой я слышал в Бристани). Пресса возглавила ревущую толпу, а сквернословящее Молчаливое Большинство последовало ее примеру. Пишущие ненавистью письма от маньяков были особенно воодушевляющими; я попытался опубликовать их в издательстве "Джо-

натан Кейп", но там подумали, что... Тем не менее они отличались от тех попрошайнических писем, появление которых всегда совпадало с любимыми широко освещавшимися в прессе нашими личными проблемами, выпадавшими на наши головы в то или иное время. Например:

Я был очень огорчен, услышав о недавнем выкидыше у вашей жены. Мы тоже, как и вы, пережили ту же трагедию, что и вы, сэр, но в отличие от вас у нас нет необходимых средств, чтобы приобрести симпатичный осбнячок на две семьи на юге Франции, и так как у вас много денег, вы бы могли сделать столетнего трясущегося старика и его глухую жену и маленьких детей-калек очень счастливыми. Сэр, я не прошу очень много, и так далее.

Или: Я тоже стал жертвой провокации при обыске и был незаконно арестован знаменитой во всем мире британской полицией (еще один миф, попнувший как мыльный пузырь), и недавно тоже едва не погиб в автомобильной катастрофе в Шотландии, и мне хотелось бы узнать, не могли бы вы найти способ помочь слепому священнику и его больной матери добираться по воскресеньям до церкви... и так далее, и тому подобное...

Так ли был построен Иерусалим? Сомневаюсь.

Кроме того что Йоко дала мне смелость вырваться из обывательских оков... она также дала мне внутренние силы более внимательно посмотреть на мое еще одно супружество. МОЕ НАСТОЯЩЕЕ СУПРУЖЕСТВО. С "Битлз", что душило меня гораздо более сильно, чем семейная жизнь. Хотя я прежде думал об этом достаточно часто, мне не хватало мужества разорвать эти узы раньше.

Моя жизнь с "Битлз" стала ловушкой. Петлей из-магнитофонной ленты. Я уже делал самостоятельные короткие вылазки - писал книги, помогал переделывать их в пьесу для Национального театра. Я даже снимался в кино без других (паршивенький фильм, режиссером которого был этот чудак, стремящийся к власти, Дик Лестер). Но мое участие в съемках фильма было скорее реакцией на то, что "Битлз" решили прекратить гастролировать, нежели желанием подлинной независимости. Хотя уже тогда (в 1965 году) я был нацелен на свободу.

В основном меня приводила в панику мысль, что мне "нечего будет делать?". Какая же это жизнь без турне? Жизнь - вот что это такое. Я никогда не забы-

ваю поблагодарить Иисуса за то, что дни моих гастролей закончились; если бы я не сказал, что "Битлз" более знамениты, чем Иисус", и не огорчил этим самый наихристианский ку-клукс-клан, Господи! Я бы до сих пор был среди прочих дрессированных блох! Боже, благослови Америку. Спасибо тебе, Иисус.

Когда я наконец набрался мужества сказать остальным троице, что я, кавычки открываются, требую развода, кавычки закрываются, они знали: это было всерьез, в отличие от предыдущих угроз Ринго и Джорджа покинуть ансамбль. Должен сказать, я чувствую себя виноватым за то, что вывалил это на них, не предупредив заранее. В конце концов я имел Йоко, а они лишь друг друга. Я чувствовал себя настолько виноватым, что я подписал имя Маккартни в качестве соавтора моего первого самостоятельного "сингла", вместо того чтобы написать имя Йоко, которая на самом деле и была соавтором ("Дайте миру шанс").

Я создал ансамбль. Я распустил его. Все очень просто. Йоко и я инстинктивно решили, что лучшая форма защиты - это нападение, но в нашей собственной милой манере: "Два девственника", наш пер-

мы пригласили весь мир. Мы знали, что мы никогда не сможем пожениться и спрятаться на медовый месяц без того, чтобы за нами не гналась пресса, поэтому мы решили извлечь выгоду из ситуации, а заодно и посмеяться. Это должно было быть настоящим "Живой Театр".

Кто мог бы забыть вид полновы репортеров мира, толкающих друг друга и топчущихся у дверей нашей спальни в тщетной надежде увидеть битла и его черномазую, занимающуюся "этим" во имя Мира в номере для новобранцев в амстердамском "Хилтоне"? Или вид разочарования, когда до них дошло, что секса не будет и мы даже не были голыми?

В течение семи дней и ночей мы были в распоряжении (с 9 утра и до 9 вечера) фотографов и интервьюеров. Мы дали возможность "пятому (от виски) сословию" спрашивать нас, о чем они пожелают. Никакой охраны. Они примчались, полные рвения; но только один или двое из нескольких сот посетителей, побывавших у нашей постели, имели какое-то представление о том, что же происходило. Мы, конечно, засняли их всех. Но мы достигли того, ради чего все это устроили; то есть указали им направление, в котором нам хотелось, чтобы они шли, вместо того, чтобы просто с радостью их терпеть.

Не было никакого смысла притворяться, будто у тебя есть личная жизнь, это же черт знает как противно - то, что разыгрывают Мик и Бьянка; устроить вспышку ярости у входа в церковь после того, как вначале сами пригласили всех на свое бракосочетание. Я называю это идиотизмом.

Мы попытались повторить свой большой успех в Америке, перенести наше представление на Бродвей (в "Плазу", если точнее). Но правительство США решило, что мы будем слишком опасны, если дать нам возможность лежать в гостиничной постели, ведя беседы о мире. Поэтому мы поставили свой номер в Монреале и вешали (по радио и ТВ) через границу. Интересно, а не подумали ли они послать за нами Дж. Гордона Лидди? Многие знаменитые личности приехали повидать нас там: Ол Крэпп, Дик Грегори, Тим Лирри и Розмари, Томми Смозерс (все, кроме Крэппа, пели "Дайте миру шанс"). Вас когда-нибудь покидала мысль, что Тимоти Лири и Дж. Гордон Лидди - это две стороны одной медали? Из двух ирландцев не сделаешь настоящего американца.

В то самое время, когда мы были в Канаде, мои литографии, которые изображали Джона и Йоко, трахающихся и не трахающихся, были нелегально перевезены в грузовиках через американско-канадскую границу (эти рисунки были запрещены в Свингующем Лондоне). Сегодня они в вашем распоряжении в любой местной галерее по сто долларов за штуку. Обложка альбома "Два девственника" продается по две сотни. Жизнь не подражает искусству. ЖИЗНЬ - ЭТО И ЕСТЬ ИСКУССТВО (это то, что сбивает с толку стальных подающих надежды; они слишком заняты тем, что являются художниками, для того, чтобы жить).

В этот период нашей жизни люди обвиняли нас, будто мы все делаем ради паблисити. Вновь неверно. Все, что мы ни делали, предавалось гласности в любом случае. И по-прежнему предается, хотя мы не общались с журналистами уже несколько лет. Это не имеет значения; кажется, они просто не могут обойтись без нас. Наша подборка газетных вырезок со всего мира полна самыми причудливыми историями. Среди моих любимейших - та, что якобы я облысел и стал отшельником, "запертым в шикарной квартире на крыше небоскреба", - неким гибридом между Элвисом Пресли, Гретой Гарбо и Ховардом Хьюзом, время от времени делающим загадочные заявления типа: "Я внес свой вклад в общество и не собираюсь работать вновь". Если воспитание ребенка это не работа, то что же это такое?

Реальность за завесой тайны проста: мы делаем то, что хотим делать. Точка.

Публикуемые воспоминания и размышления Леннона взяты из его третьей, посмертно изданной книги "Надпись на небе устным словом", к сожалению, неизвестной советскому читателю.

at last he could see the number

вый зльбом, на котором вид двух слегка толстоватых экс-наркоманов в чем мать родила от души повеселил Джона и Йоко и вызвал апopleксию у обывателей из так называемого цивилизованного мира. Включая этих знаменитых авангардных революционных мыслителей Пола, Джорджа и Единственного в своем роде Ринго. У меня не было злого умысла в отношении их. Оборачиваясь назад, могу сказать: "Битлз" были не более важной частью моей жизни, чем любая другая (и даже менее важной, чем некоторые).

Для меня не имело значения, буду ли я вновь записывать пластинки. Я начал с рок-н-ролла и закончил чистым рок-н-роллом (мой альбом "Рок-н-ролл"). Если у меня когда-нибудь появится побуждение и оно будет непреодолимым, я займусь этим ради удовольствия. Но в противном случае я бы охотно оставил это дело насовсем. Я никогда не разделял мнения, дескать, художник "в долгу перед публикой" - не более, чем мнения, что молодежь в долгу перед королем и страной. Я сам сделал себя таким, каков я сегодня. Хорошим и плохим. Ответственность лежит только на мне.

Все дороги ведут в Рим. Я открыл магазин: публика покупала товары по ценам честного рынка. Не бог весть что. А что касается шоу-бизнеса, я никогда не считал его смыслом жизни. Я часто желал - зная, что это тщетно, - чтобы Йоко и я не были знамениты и чтобы у нас могла быть настоящая частная жизнь. Но это - как пролитое молоко, или даже скорее кровь, и я стараюсь ни о чем не сожалеть и не намерен тратить энергию и время, пытаясь стать безмянным. Это столь же глупо, как и сперва становиться знаменитым.

"ВСЕ, ЧТО МЫ ГОВОРИЛИ, ЭТО "ДАЙТЕ МИРУ ШАНС"

Нашим следующим шагом была знаменитая "Демонстрация за мир в постели". Нам понадобился год робких ухаживаний, прежде чем два "раскрепощенных художника" действительно легли в постель вместе. Но когда мы это сделали,